

Cosa Nostra. История сицилийской мафии

Автор:

Джон Дикки

Cosa Nostra. История сицилийской мафии

Джон Дикки

По ту сторону закона. Люди, кланы, группировки

Возникновение мафии тесно связано с возникновением государства Италия, убежден историк Джон Дикки.

История «Коза ностры» это подтверждает: имя организации стало нарицательным, она пережила две мировых войны, устояла под натиском диктатуры Муссолини, распространилась за океан и продолжает существовать сегодня.

Основанная на множестве свидетельств как борцов с мафией, так и самих «раскаявшихся» мафиози, книга Дикки стала настоящим расследованием того, как устроена изнутри одна из самых опасных и жестоких преступных организаций мира.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Джон Дикки

Cosa Nostra. История сицилийской мафии

© К. Королев, перевод на русский язык, 2022

* * *

Предупреждение

Как не замедлит стать очевидным, в этой книге неизбежно выдвигаются серьезные обвинения в адрес конкретных лиц. Поэтому категорически не следует читать эту книгу, упуская из вида следующее.

Мафиозные семьи и семьи, «объединенные кровью», ни в коей мере не являются синонимами. Из того обстоятельства, что один или несколько членов какого-либо семейства, упомянутого в этой книге, вступили в мафию, ни в коей мере не следует, что их родственники по рождению или браку принадлежат к мафии, действуют в ее интересах или даже имеют представление о сфере деятельности и интересов своих родичей. В самом деле, поскольку «Коза ностра» – тайное общество, одно из ее правил гласит: членам организации запрещается рассказывать своим родственникам что-либо, касающееся ее деятельности. По той же причине, а fortiori, потомки ныне умерших людей, относительно которых имелись подозрения в связях с мафией, не могут и не должны подозреваться в этих связях.

На протяжении своей истории сицилийская и американская мафии устанавливали контакты с отдельными бизнесменами, политиками и представителями таких общественных организаций, как профсоюзы. Также обе мафии устанавливали контакты с компаниями, профсоюзами, политическими

партиями или определенными группами в составе этих партий. Имеющиеся в нашем распоряжении исторические данные неопровержимо свидетельствуют о том, что одна из важнейших характеристик подобных контактов – их разнообразие. К примеру, в тех случаях, когда мафии платили за покровительство, вовлеченные в процесс организации и индивидуумы могли быть как невинными жертвами, так и добровольными пособниками организованной преступности. Встречающиеся на страницах этой книги упоминания таких организаций и отдельных лиц не могут и не должны трактоваться как определяющие виновность конкретных лиц и структур. Необходимо иметь в виду, что если какие-либо лица или организации в прошлом имели контакты с мафией, они совершенно не обязательно продолжают их иметь до сих пор. Вдобавок на основании текста этой книги не следует делать далеко идущих выводов относительно организаций и отдельных лиц, чьи названия и имена, по чистой случайности, совпадают с названиями и именами, упомянутыми на этих страницах.

Эта книга, подобно большинству работ по истории мафии, рассматривает широкую историческую перспективу, в рамках которой членам мафии удавалось ускользать от ответственности – гораздо чаще, чем можно было бы ожидать. Число таких случаев достаточно велико, а причины, по которым обвинительные приговоры не выносились, весьма разнообразны, и отнюдь не всегда мягкосердечие правосудия объясняется недалекновидностью или некомпетентностью представителей правоохранительных органов и юстиции, свидетелей и судей. Поэтому за исключением тех случаев, когда о такой недалекновидности или некомпетентности говорится впрямую, не следует искать в действиях указанных государственных служащих небрежение или злой умысел.

Многие люди на протяжении полутора столетий отрицали сам факт существования мафии или стремились преуменьшить степень ее влияния на общество. Очень многие из этих людей говорили и действовали вполне искренне. Одновременно множество людей выражали искренние, разумные и нередко вполне обоснованные сомнения в надежности свидетельств, полученных от отдельных *pentiti* («отступников») или от *pentiti* в целом. При отсутствии на этих страницах прямых утверждений обратного не следует делать выводов о связи какого-либо человека с мафией лишь на том основании, что он отрицает существование мафии или выражает сомнения в свидетельствах *pentiti*.

Когда в этой книге упоминаются отели, рестораны, магазины и другие общественные места, где происходили встречи мафиози, из фактов подобных упоминаний категорически не следует, что владельцы и менеджеры этих заведений, равно как и персонал, в какой-либо мере содействовали мафии, знали о встречах мафиози, об их принадлежности к криминальному сообществу или о криминальной природе бизнеса, служившего темой для встреч.

По причинам чисто практическим автор не имел возможности лично проинтервьюировать всех людей, чьи высказывания приводятся на страницах этой книги (цитируются по письменным источникам – таким, как интервью в книгах и газетах). Автор пользовался этими источниками, исходя из убеждения, что приводимые в них слова воспроизведены аккуратно и достоверно.

Пролог

Две истории, два майских дня, разделенные столетием исторического времени. Каждая история (первая – мелодраматический вымысел, вторая – трагическая реальность) открывает нам нечто важное относительно сицилийской мафии и отчасти объясняет, почему наконец-то стало возможным написать историю мафии.

Первая история явила себя миру в римском Театро Констанци 17 мая 1890 года, на премьере оперы, которую многие считают наиболее успешной оперой всех времен, – «Cavalleria Rusticana» («Сельская честь») Пьетро Масканьи. Бесхитростный рассказ о ревности, чести и мести сицилийских крестьян был положен на бойкую музыку. Оперу встретили с восторгом. На премьере певцов тридцать раз вызывали на бис; королева Италии аплодировала, не скрывая эмоций. Несколько месяцев спустя, в письме к другу, двадцатилетний Масканьи признался, что эта одноактная опера сделала его богатым на всю жизнь.

Каждому известны хотя бы несколько тактов из «Cavalleria», каждый знает, что место действия оперы – Сицилия. Интермеццо Масканьи звучит в знаменитой финальной сцене из «Неистового быка» Мартина Скорсезе, этого беспощадного анализа итало-американского мачизма, гордости и ревности. Музыка из оперы

также звучит на протяжении всей третьей части «Крестного отца» Фрэнсиса Форда Coppола. В финальной сцене киллер-мафиози, облаченный в сутану, преследует свою жертву по роскошному Teatro Massimo в Палермо, а на сцене тем временем исполняют «Cavalleria». Сын дона Майкла Корлеоне исполняет ведущую партию Туридду. В конце фильма интермеццо возвращается как аккомпанемент смерти престарелого дона, которого играет Аль Пачино.

Гораздо менее известно, что сюжет этой оперы представляет собой «сицилийский миф» в его чистейшей, первозданной форме; этот миф весьма близок официальной идеологии, которой сицилийская мафия придерживалась почти полтора столетия. Согласно последней, мафия – не организация в привычном смысле этого слова; принадлежность к мафии проистекает из дерзкой гордости и щепетильности, глубоко укорененных в душе всякого сицилийца. Представление о «сельской чести» тем самым как бы обосновывало исторически возникновение мафии. Сегодня уже невозможно рассказывать о мафии, не принимая во внимание этот миф.

Вторая история началась на холме над дорогой, которая ведет к Палермо от аэропорта. Время – около шести вечера, 23 мая 1992 года. Джованни Бруска, коренастый и бородатый «человек чести», наблюдает за коротким отрезком дороги перед поворотом к городу Капачи. В этом месте его люди с помощью скейтборда загнали в сливную трубу тринадцать бочонков, вместивших в себя почти 400 килограмм взрывчатки.

В нескольких метрах позади Бруски другой мафиозо, постарше, курит и разговаривает по радиотелефону. Внезапно он заканчивает разговор и подается вперед, чтобы взглянуть на дорогу в телескоп, установленный на табуретке. Разглядев кортеж из трех автомобилей, приближающийся к повороту, он шипит: «Ваи!» («Ну давай!»). Ничего не происходит. «Ваи!» – снова шипит он.

Бруска замечает, что кортеж движется медленнее, чем ожидалось. Он ждет, секунды тянутся бесконечно, автомобили минуют старый холодильник, положенный у дороги в качестве отметки. Лишь когда в третий раз слышится раздраженное, на грани паники «Ваи!», он нажимает на кнопку.

Раздается глухой взрыв. Земля дрожит под ногами. Асфальт вздыбливается, первая из трех машин взлетает в воздух. Она описывает дугу и приземляется в

шестидесяти или семидесяти метрах от дороги, в роще оливковых деревьев. Вторая машина – белый бронированный «Фиат Крома»: лишившись оторванного взрывом двигателя, она сползает в образовавшуюся на шоссе яму. Третий автомобиль тоже пострадал, но не сильно.

Жертвами взрыва оказались магистрат Джованни Фальконе и его жена, ехавшие в белом «фиате», а также трое охранников в первой машине. Фальконе возглавлял расследование преступлений мафии. Покончив с ним, сицилийская мафия избавилась от самого опасного из своих врагов, символа антимафиозной деятельности.

Взрыв в Капачи шокировал Италию. Это событие навечно запечатлелось в сознании многих людей; некоторые политики публично заявили, что им стыдно называть себя итальянцами. Для некоторых трагедия Капачи явилась наглядной демонстрацией силы и могущества мафии. Одновременно эта операция показала, что миф о «сельской чести» окончательно ушел в прошлое, как бы подтвердил банкротство официальной идеологии мафии. Не случайно первая заслуживающая доверия история сицилийской мафии была опубликована в Италии именно после Капачи.

* * *

Рассказ о деревенском любовном треугольнике в «Cavalleria Rusticana» достигает своего апогея на площади сицилийского городка: возчик Альфио отказывается от выпивки, которую ему предлагает молодой солдат Туридду. До взаимных оскорблений еще не дошло, однако оба знают, что стычка непременно закончится кровью – ведь Альфио нашептали, что Туридду покусился на честь его жены. В кратком разговоре этих персонажей воплотилась вся примитивная система ценностей: оба признают, что задета их честь, оба мечтают о вендетте и считают дуэль единственным способом разрешить конфликт. Как диктует обычай, они обнимаются и Туридду зубами сжимает мочку правого уха Альфио в знак того, что вызов принят. После этого Туридду в слезах прощается с матерью и покидает сцену, дабы встретиться с Альфио в близлежащем саду. Издалека доносится женский крик: «Туридду убили!». Крестьяне в смятении раздражаются воплями. Занавес.

Композитор Масканьи, родом из Тосканы, никогда не был на Сицилии. На репетиции тенор изменил текст своей вступительной арии, потому что

либреттисты, земляки Масканьи, не сумели подыскать «настоящие сицилийские» слова. Впрочем, все это не имело принципиального значения. В 1890 году Сицилия была модной темой. Публика в Театро Констанци ожидала увидеть – и увидела – живописный остров, будто сошедший со страниц иллюстрированных журналов: экзотический остров солнца и страсти, населенный задумчивыми смуглыми крестьянами.

Что касается мафии, в 1890 году она уже представляла собой хорошо организованную преступную ассоциацию, имела покровителей среди политиков и стремилась выйти за пределы Сицилии. В столице острова, Палермо, местные политики активно мошенничали и расхищали средства, выделенные центральным бюджетом на восстановление города; среди этих политиков были и мафиози. Правда, общераспространенное представление о мафии было совершенно иным. Те, кто пришел на премьеру оперы Масканьи, воспринимали Туридду и в особенности возчика Альфио (несмотря на всю местную патетику их взаимоотношений) не только как типичных сицилийцев, но и как типичных мафиози. Слово «мафия» употреблялось для обозначения не столько криминального синдиката, сколько того сочетания яростной страсти и «восточной» гордости, которые, как считалось, определяют характер жителей Сицилии. Иными словами, быть мафиозо означало иметь примитивное представление о чести, следовать рудиментарному рыцарскому коду, принятому среди отсталых сицилийских крестьян.

Это снисходительное представление, разделявшееся высокомерным итальянским Севером, объяснялось не только непониманием истинного положения дел на Юге. Через семь лет после оглушительной премьеры оперы Масканьи скороспелый сицилийский социолог Альфредо Ничефоро опубликовал книгу «Современная варварская Италия» – исследование «отсталых народов» южной Италии. В этой книге Ничефоро достаточно пренебрежительно охарактеризовал те особенности сицилийской психики, о которых повествовала «Cavalleria»: «В крови сицилийца вечно бурлит недовольство и не знающая границ страсть эго. Каждый сицилиец – мафиозо по природе». Ничефоро, «Cavalleria» и в целом итальянская культура того времени систематически отождествляли Сицилию с мафией. Их последователи, будь то сицилийцы, итальянцы или иностранцы, продолжали и продолжают совершать ту же ошибку, стирая всякие очевидные различия между мафией и тем, что один английский путешественник 1960-х годов назвал «первобытной ментальностью сицилийского бессознательного».

Сицилийскую культуру слишком долго отождествляли с mafiosita (мафиозностью), и это отождествление служило интересам организованной преступности. Абсолютно ясно, что расхожее представление о вымышленности мафии было только на руку незаконной преступной организации, носившей это имя. «Нет никакого тайного криминального общества» – гласило это мнение; «есть лишь очередная теория заговора, придуманная теми, кто не понимает образа мышления сицилийцев». Бесчисленное множество исследователей повторяли этот довод: мол, продолжавшиеся на протяжении столетий набеги заставили сицилийцев с подозрением относиться к чужакам, поэтому они предпочитают разрешать конфликтные ситуации между собой, не привлекая полицию и суд.

«Затирание» различий между мафией и сицилийцами в целом также способствовало тщетности законных мер против преступности. Если во всем виновата пресловутая примитивная сицилийская ментальность, каким образом возможно бороться с мафией – разве что арестовать все население острова. Как гласит итальянская пословица: «Tutti colpevoli, nessuno colpevole», то есть «Если виновны все, то никто не виновен».

Мафия добилась грандиозных успехов в распространении подобных измышлений. Ее усилия на протяжении полутора столетий привели к тому, что в обществе зародились сомнения. В результате сам факт существования мафии долгое время оставался не более чем предположением, теорией, точкой зрения – и был признан на удивление недавно. А желание написать историю «мафиозного менталитета» часто казалось прихотью, заслуживающей не большего внимания, чем готовность сочинить историю галльского остроумия или британской чопорной верхней губы.

* * *

Тем, что миф о сельской чести и, выражаясь фигурально, деревенском рыцарстве наконец-то был развенчан, мы обязаны Фальконе и его коллегам. История, завершившаяся взрывом в Капачи, началась на заре 1980-х годов, когда – менее чем за два года – погибло как минимум 1000 человек: «люди чести», их родственники и друзья, полицейские и ни в чем не повинные случайные прохожие. Кого застрелили на улице, кого увезли в тайное логово и задушили, кого растворили в кислоте, похоронили заживо в бетоне, утопили в море или разрезали на куски и скормили свиньям. Это был самый

кровопролитный мафиозный конфликт в истории, но в войну он не перерос – остался кампанией по искоренению. Во главе этой кампании стояла дружина мафиози, группировавшихся вокруг клана Корлеоне. Они организовывали тайные «отряды смерти», чтобы истребить своих противников и установить почти диктаторскую власть мафии над Сицилией.

Среди жертв этой резни оказались двое сыновей, брат, племянник, шурина и зять достаточно влиятельного «человека чести» Томмазо Бушетты. В газетах его именовали «боссом двух миров», поскольку его деловые интересы простирались по обе стороны Атлантики. Впрочем, от корлеонцев не было спасения ни в одном из этих миров. Бушетту арестовали в Бразилии. Будучи выслан в Италию, он попытался совершить самоубийство, проглотив стрихнин, который всегда носил с собой. Попытка едва не оказалась успешной. Поправившись, Бушетта решил покаяться и поведать властям о том самом тайном обществе, в которое вступил в возрасте семнадцати лет. Причем исповедаться он соглашался только Джованни Фальконе.

Последний вырос в добропорядочной семье из полуразвалившегося в то время центрального палермского квартала Ла Кальца. Однажды он обронил, что с детских лет привык к запаху мафии. В местном клубе юных католиков он играл в настольный теннис с Томмазо Спадаро, позднее – известным мафиозо и торговцем героином. Любовь родителей уберегла Фальконе от подобных искушений; он вырос приверженцем долга, церкви и патриотизма.

Свою судебную карьеру он начал в должности магистрата в суде по банкротствам, где отточил умение разбираться в сомнительных финансовых проводках. Это умение легло в основу ставшего знаменитым «метода Фальконе». Впервые Фальконе воспользовался своим методом в 1980 году, расследуя попытку провоза через границу крупной партии героина. После этого дела его перевели в криминальную полицию Палермо. В 1982 году он добился семидесяти четырех обвинительных приговоров по героиноному делу – оглушительный успех для острова, где практика запугивания свидетелей, судей и присяжных разрушила не одно тщательное подготовленное обвинение.

Бушетта снабдил Фальконе внутренней информацией о мафии. «Для нас, – говорил Фальконе, – он был кем-то вроде профессора языкознания, отправляющего своих студентов в Турцию и запрещающего пользоваться языком жестов». Благодаря многочасовым допросам Бушетты Фальконе и его группа смогли составить реальное представление о преступном синдикате. Они

терпеливо прослеживали связи между личинами, именами и преступлениями. Постепенно складывалась совершенно неожиданная картина – структура мафии, методы управления, образ мышления...

Сегодня сложно представить, сколь мало было известно о сицилийской мафии до того, как Томмазо Бушетта решил исповедаться Джованни Фальконе. Первым откровением стало название организации, данное ей самими ее членами: «Коза nostra» – наше дело. До той поры даже те немногочисленные следователи и полицейские, кто принимал мафию всерьез, искренне полагали, что это название применимо исключительно к американской мафии.

Бушетта также рассказал Фальконе о пирамидальной структуре управления мафией. В самом низу находятся солдаты, разбитые на десятки; ими командует *capodecina* (десятник). Каждый *каподечина* подчиняется избранному боссу местной банды, или семьи; у этого босса имеется заместитель и один или несколько *consiglieri* (советников). Три семьи, контролирующих соседние территории, образуют *mandamento* (район). Главы районов входят в состав комиссии – этого мафиозного парламента или «совета директоров» провинции Палермо. В теории провинциальный парламент подчиняется региональному, составленному из главарей мафии со всей Сицилии. Однако на практике Палермо доминирует в мафии: почти 50 процентов из (ориентировочно) 100 мафиозных семей на Сицилии контролируют часть территории Палермо, а председатель комиссии Палермо является негласным лидером всей сицилийской мафии.

К тому моменту, когда Бушетта начал давать свои показания, сицилийская мафия насчитывала около 5000 «людей чести». Значимые убийства – полицейских, политиков или других мафиози – планировались на самом верху и совершались лишь с высочайшего одобрения, что гарантировало совместимость этих преступлений с общей стратегией синдиката. Для обеспечения стабильности комиссия внедрила свод правил по урегулированию конфликтов внутри семей и районов. Уровень внутренней дисциплины в мафии привел следователей в изумление.

«Босс двух миров» неплохо ориентировался и в делах американской «Коза nostra». Он поведал Фальконе, что у сицилийской мафии и у американской, которую первая и породила, схожая структура. Однако они являются независимыми друг от друга организациями: член сицилийской мафии совершенно не обязательно окажется членом мафии американской. Крепость

дружеских уз между двумя мафиями обеспечивают кровь и совместные деловые интересы, а не организационные связи.

Другие «люди чести» последовали примеру Бушетты, пытаясь с помощью государства защититься от корлеонцев и их «отрядов смерти». Вместе со своим коллегой Паоло Борселлино Фальконе методично проверял признания мафиози и собрал 8607 страниц документов – основу легендарного «макси-процесса», который состоялся в специально выстроенном бронированном зале суда Палермо.

16 декабря 1987 года, после двадцати двух месяцев судебных слушаний, судья огласил обвинительные приговоры 342 мафиози и приговорил их в совокупности к 2665 годам тюремного заключения. В ходе процесса «теорема Бушетты» (как называли скептики информацию последнего о структуре «Коза ностры») получила многократное подтверждение.

Впрочем, официального подтверждения этой «теоремы» пришлось подождать до января 1992 года, когда, вопреки чаяниям и упованиям «Коза ностры», кассационный суд – Верховный суд Италии – оставил в силе первоначальные приговоры. Это было самое сокрушительное поражение, которое когда-либо терпела сицилийская мафия. В ответ корлеонцы отправили «отряды смерти» на охоту за следователями. Фальконе погиб через несколько месяцев после оглашения вердикта. Менее двух месяцев спустя Италия вновь испытала шок – Паоло Борселлино и пятеро сопровождавших его коллег погибли при взрыве автомобиля у дома матери следователя.

Трагическая гибель Фальконе и Борселлино имела последствия, которые ощущаются и по сей день. Прежде всего, их смерть явилась подтверждением поражения, понесенного мафией; существование же организованной криминальной структуры под названием «Коза ностра» перестало быть теорией.

Если «Коза ностра» существует, у нее должна быть история; а если у нее есть история, как заметил однажды Фальконе, она когда-то началась и когда-либо закончится. Благодаря усилиям Фальконе, Борселлино и их товарищей, равно как и благодаря развенчанию мифа о деревенском рыцарстве, историки сегодня могут изучать историю мафии, опираясь на куда более достоверные свидетельства, чем раньше.

По мере того как реальность «Коза ностры» становилась все более очевидной из показаний Бушетты и прочих участников «макси-процесса», немногочисленные историки, в большинстве своем сицилийцы, двинулись в том же направлении, что и следователи – стали изучать данные, которыми пренебрегали ранее, и разыскивать новые свидетельства. Перед ними мало-помалу открывалось новое поле деятельности. В 1992 году, после того как кассационный суд подтвердил «теорему Бушетты» (и невольно способствовал гибели Фальконе и Борселлино), написание истории мафии внезапно перестало быть чисто академическим занятием: пришло осознание смертельной угрозы гражданскому обществу, а с ним – стремление показать уцелевшим магистратам, что они не одиноки в своей борьбе.

Первая история сицилийской мафии была опубликована в Италии в следующем же году. В 1996 году книгу переиздали, с исправлениями и дополнениями; с тех пор выяснились многие новые подробности. Желание рассказать публике историю мафии шло рука об руку с желанием отомстить «Коза ностре» за кровавую жатву 1992 года. На Сицилии к истории относятся серьезно.

Вероятно, сицилийцы с одобрением отнесутся к тому, что историю мафии узнают и за пределами Италии. Моя книга – первая история сицилийской мафии, от ее возникновения до наших дней, написанная не на итальянском языке. В ней представлены самые свежие результаты исследований, история мафии излагается именно так, как рассказывают ее итальянские специалисты. Кроме того, в ней содержится ряд абсолютно новых данных. В последние несколько лет стало возможным подготовить гораздо более полную версию истории сицилийской мафии, чем даже несколько лет назад. Картина, которую рисовали размашистыми социологическими кистями – «менталитет», «парагосударственные функции», «агрессивная субституция», – ныне содержит подлинные имена, места, даты и преступления. И чем отчетливее становится эта картина, тем более тревожными кажутся выводы, которые из нее вытекают: тайное общество, основополагающим принципом деятельности которого является убийство, стало неотъемлемой частью итальянского образа жизни с середины девятнадцатого столетия.

Джон Дикки

Введение

Сегодня «мафия» – одно из тех слов, которые Италия подарила множеству других языков, наряду с такими словами, как «пицца», «спагетти», «опера» и «катастрофа». Это слово используется для обозначения преступных сообществ отнюдь не только на Сицилии и в Соединенных Штатах Америки – в тех местах, где обосновалась мафия в строгом значении этого термина. Словом «мафия» называют преступные организации по всему миру – в Китае, в Японии, в России, в Чечне, в Албании, в Турции и так далее; при этом упомянутые организации не имеют ничего (или почти ничего) общего с сицилийским «оригиналом».

В южной Италии наличествуют и другие преступные организации, причем каждую из них по отдельности (и все вместе) также называют мафией: это и «Сакра корона унита» в Апулии («пятка» итальянского «сапога»), «Ндрангета» в Калабрии («мысок»), каморра в Неаполе и окрестностях («голенище»). У этих организаций своя собственная, весьма захватывающая история; одна из них, а именно каморра, немного древнее сицилийской мафии, однако на страницах этой книги всем им будет уделено внимание лишь в той степени, в которой они связаны с сицилийской «Коза нострой». Причина очень простая – никакая другая нелегальная итальянская организация не является столь могущественной, столь хорошо организованной и столь успешной, как мафия. Абсолютно не случайно сицилийское слово получило такое распространение в мире.

Моя книга посвящена прежде всего истории сицилийской мафии и ее деятельности на Сицилии. Некоторые из широко известных американских мафиози – к примеру, Лаки Лучано и Аль Капоне – будут встречаться нам на последующих страницах потому, что историю сицилийской мафии невозможно рассказать, не упомянув о мафии американской, которую сицилийская и породила. За последние два столетия Соединенные Штаты стали настоящей питательной средой для организованной преступности, однако лишь часть «подвигов» организованной преступности в США совершалась и совершается мафией. На страницах этой книги американская мафия предстает во всем своем подобающем великолепии. Не будем забывать, что с берегов крошечного треугольного острова в Средиземном море история мафии в США – во всяком случае, ранних этапов этой истории – предстает в истинном свете.

Мафия на Сицилии стремится к богатству и власти, культивируя искусство безнаказанно убивать людей и организуя сама себя уникальным способом,

благодаря которому она представляет собой нечто среднее между тeneвым государством, незаконным предприятием и тайным обществом напоподобие франкмасонов.

«Коза nostra» выступает как государство, поскольку стремится обладать определенной территорией. С согласия мафии в целом каждая семья (по-итальянски эти семьи чаще всего именуют *cosca*) устанавливает нечто вроде теневого кабинета министров на территории, которую она контролирует. Для мафиозной семьи доходы от «покровительства», то есть рэкета, являются столь же существенной статьей бюджета, как налоговые поступления – для реального государства. Разница состоит в том, что мафия предпочитает «облагать налогом» всю экономическую деятельность, как легальную, так и нелегальную: оптовики и грабители покорно выплачивают ей надлежащий процент (*pizzo*). Отнюдь не редки ситуации, когда мафиозо покровительствует и владельцу автосалона, и банде угонщиков, «пасущихся» при этом салоне. Так что единственной стороной, получающей прибыль от любой сделки, оказывается именно мафия. Подобно государству, мафия приписывает себе власть над жизнью своих «граждан». При этом мафия вовсе не является альтернативным правительством: она существует, проникая в государственные структуры и используя силу и слабость государства в собственных интересах.

«Коза nostra» – деловое предприятие, поскольку она ориентирована на получение прибыли, хотя бы и через устрашение. Впрочем, она редко добивается существенных успехов в своей «правительственной» деятельности. Большая часть доходов от рэкета возвращается в дело для поддержания криминальной активности: средства идут на подкуп адвокатов, судей, полицейских, журналистов, свидетелей и политиков, а также на поддержку тех мафиози, которые волею обстоятельств оказались в тюрьме. «Коза nostra» выплачивает огромные суммы ради того, чтобы, как полагают некоторые «мафиологи», создать своего рода бренд устрашения. Этот мафиозный бренд используется на всех товарных рынках, от мошенничеств с недвижимостью до контрабанды табака. Как правило, чем коварнее, опаснее и прибыльнее рынок (самый характерный пример здесь – рынок оборота наркотиков), тем выше прибыль мафиози, за спиной которых высится всемирно известный и несокрушимо надежный бренд устрашения.

«Коза nostra» является тайным обществом, поскольку вынуждена весьма тщательно подходить к отбору своих членов и налагает жесткие ограничения на их поведение в обмен на привилегию считаться членом мафии. Основные

требования, выдвигаемые «Коза nostrой», состоят в следующем: быть скромным, уметь подчиняться и быть беспредельно жестоким.

История организации поистине замечательна. Однако история мафии – это не только повествование о ее делах, о поступках «людей чести». До Фальконе и Борселлино великое множество других людей погибли, сражаясь с мафией. Некоторым из них посвящены страницы этой книги, ибо история мафии – это и история ее вражды с сицилийцами и другими людьми, противостоявшими ей с момента ее возникновения. История мафии также охватывает людей, которые, по разнообразнейшим мотивам, от рационального страха до политического цинизма и откровенного соучастия в преступлениях, выступали в поддержку криминального синдиката.

Но даже история мафии, включающая в себя все упомянутые аспекты, оставляет без ответа целый ряд вопросов. Поскольку всякий за пределами Италии знает (или думает, что знает), что такое мафия, не может не вызывать изумления факт, что информация о сицилийской мафии получила подтверждение только в 1992 году. Каким же образом столь могущественная криминальная организация столько времени оставалась практически неуловимой? Частично объяснение этому находится в отсутствии свидетельских показаний. Мафия выживала и процветала благодаря тому, что запугивала свидетелей и ставила в тупик или подкупала полицию и суды. В прошлом власти (и историки мафии, шедшие следом) слишком часто оказывались в таком положении, когда им только и оставалось, что пересчитывать трупы и удивляться непостижимой логике, лежавшей в основе очередного кровопролития.

На самом деле проблема весьма серьезна, и коренится она в самом сердце итальянской системы управления. Выражаясь очень мягко, итальянское государство в минувшие полтора столетия демонстрировало по отношению к сицилийской мафии редкостное безразличие. В тех немногих случаях, когда государственные институты вспоминали о существовании мафии, воспоминания оказывались мимолетными. А когда – случалось и такое – память не подводила чиновников, их действия не имели и намека на эффективность. Раз за разом Италия упускала возможность осознать факты, за подтверждение которых впоследствии заплатили своими жизнями Фальконе и Борселлино. Мафия была тайной, выставленной на всеобщее обозрение. По этой причине тщетные попытки итальянского государства заметить мафию представляют собой куда более занимательную историю, нежели очередное повествование в романтическом жанре «плаща и кинжала», повествование о нескольких

индивидуумах, вознамерившихся во что бы то ни стало скрывать истину. По той же самой причине моя книга есть не только история мафии, но и история неумения и нежелания итальянского государства осознать очевидное и вести с ним борьбу.

Существует достаточное количество фактов, подтверждающих, что мафиозная проблема актуальна для Италии и по сей день. В тот период, когда я писал свою книгу, пожизненный сенатор Италии, семь раз становившийся премьер-министром страны Джулио Андреотти был обвинен в организации с помощью мафии убийства шантажировавшего его журналиста. (Стукач Томмазо Бушетта, бывший «босс двух миров», выступал в качестве ключевого свидетеля.) Другой громкий случай связан с именем человека из рекламного бизнеса, в 1993 году основавшего политическое движение «Форца Италия» – нынешнюю партию премьер-министра и медиамагната Сильвио Берлускони. Допрос одного из перебежчиков дал основания полагать, что между «Форца Италия» и «Коза нострой» существовали тесные контакты. Разумеется, эти обвинения были незамедлительно опровергнуты, да и вряд ли стоит торопиться с заключениями по итогам допросов, не получивших судебного подтверждения. Тем не менее, все эти обстоятельства заставляют не только приподнимать от удивления брови, но и задаваться вопросом: как же Италия ухитрилась загнать себя в подобное положение?

Историки, попытавшиеся найти ответы на этот и другие вопросы сразу после показаний Бушетты, совершили замечательное открытие, лишь усугубившее ситуацию с игнорированием итальянским государством существования мафии. Бушетта был далеко не первым мафиози, нарушившим знаменитый код молчания мафии – омерту; он был даже не первым из тех, чьим словам поверили. Информаторы появились практически одновременно с возникновением мафии. Вдобавок с самого начала «люди чести» вели уклончивый и зачастую интимный диалог с представителями власти – полицейскими, магистратами, политиками. Сегодня историки в состоянии восстановить обрывки этого диалога; нам открывается захватывающая, невероятная картина – картина соучастия государственных чиновников Италии в преступлениях мафии.

Даже после того, как стало известно о перебежчиках из мафии, оставалась проблема восприятия: как понимать и истолковывать то, о чем они сообщали. Полицейские и магистраты решали эту проблему с незапамятных времен и вплоть до судебного процесса по результатам расследования Фальконе и Борселлино. С какой стати кому бы то ни было верить профессиональным

преступникам, у которых имеются тысячи причин лгать? Показания против мафии зачастую отвергались на том основании, что они не являются надежными доказательствами для суда – и для исторического исследования. Признания «людей чести», даже признания pentiti всегда весьма запутанны и противоречивы. Кстати сказать, обманчиво само слово pentito (буквально «раскаявшийся»): истинное раскаяние «человека чести» – невероятная редкость. На протяжении всей истории мафии ее члены, как правило, давали показания государству ради того, чтобы отомстить другим мафиози, предавшим первых или победившим их в стычке. Признания являлись последним оружием проигравших. Бушетта остался в проигрыше и потому его показания, как и показания других pentiti, не могут служить образцом достоверности.

Кроме того, в показаниях Бушетты есть и еще кое-что – нечто, превратившее их из субъективной версии событий в своего рода современный Розеттский камень. Бушетта объяснил следствию, как мыслят «люди чести», изложил диковинные правила, которым они следуют, и описал причины, по которым мафиози часто пренебрегают этими правилами. «Босс двух миров» и в тюрьме ощущал силу этих правил и яростно отрицал тот факт, что стал pentito и перестал быть «человеком чести». Урок, преподанный Бушеттой магистратам и историкам, состоит в том, что кодекс мафии следует принимать всерьез (из чего отнюдь не вытекает, что этот кодекс соблюдается мафией при любых обстоятельствах).

Томмазо Бушетта не уставал подчеркивать важность одного из правил кодекса «Коза ностры». Это правило касалось отношения к правде. Благодаря Бушетте мы теперь знаем, что правда для мафиози – вещь одновременно бесценная и губительная. При приеме в сицилийскую мафию кандидат в том числе клянется никогда не лгать «заслуженным людям», вне зависимости от того, к какой семье они принадлежат. Единожды солгав, «человек чести» вступает на короткую дорогу к ванне с кислотой. В то же время удачно сконструированная ложь может быть чрезвычайно могущественным оружием в постоянной борьбе за власть внутри «Коза ностры». Результат очевиден: острая паранойя. Как объяснил Бушетта: «Мафиозо живет в страхе перед осуждением – не по законам обычных людей, но по злонамеренным сплетням, циркулирующим внутри «Коза ностры». Страх, что кто-то скажет о нем дурное, преследует его постоянно».

Учитывая данное обстоятельство, нас уже несколько не удивляет тот факт, что все «люди чести» прекрасно умеют хранить молчание. Прежде чем сделаться государственным свидетелем, Бушетта как-то провел три года в одной камере с другим мафиозо, который убил еще одного «человека чести», близкого друга

Бушетты. На протяжении этих трех лет враги не обменялись ни единым оскорблением, они даже вместе праздновали Рождество. Бушетта знал, что его сокамерник осужден «Коза nostrой» на смерть; невозможно догадаться, знал ли этот человек о своей неизбежной участи. Он был убит вскоре после того, как вышел из тюрьмы.

«Люди чести» предпочитают ничего не говорить тем, кто заранее не осведомлен о предмете разговора; общаются они посредством шифров, намеков, обрывков фраз, каменных взглядов, жестов и значимого молчания. В «Коза ностре» не принято спрашивать о чем-либо, выходящем за пределы необходимого; никто даже не выражает вслух своего недоумения. Судья Фальконе заметил как-то, что «истолкование знаков, жестов, загадочных фраз и пауз составляет одно из главных занятий мафиози». Бушетта был весьма красноречив, когда пояснял, что значит жить в таком мире:

«В «Коза ностре» существует обязанность говорить правду, но также и принято о многом умалчивать. И эта сдержанность, эти вещи, о которых молчат, лежат на “людях чести” как неотвратимое проклятие. Из-за них все взаимоотношения становятся абсурдными, фальшивыми».

«Люди чести» не желают вести откровенных разговоров, а еще – в тех случаях, когда они о чем-либо говорят между собой, разговоры никогда не бывают пустыми. К примеру, если мафиозо А говорит мафиозо Б, что убил предпринимателя X или что политик Y на крючке у «Коза ностры», он, вполне возможно, говорит правду; если же нет, значит, его слова – тактическая ложь, которая сама по себе значима не меньше, чем правда. Поэтому начиная с Бушетты мафиози уже не воспринимались как исключительно ненадежные свидетели, однако их показания требовали творческого анализа. Разобраться в показаниях мафиози, «раскаившихся» или «закоренелых», означает отыскать истину в переплетении правды и тактической лжи и подобрать другие свидетельства, подтверждающие или опровергающие полученный результат. Это – необходимое условие написания достоверной истории мафии. Ее история складывается на основании сведений из традиционных источников – из полицейских досье, государственных запросов, газетных репортажей, воспоминаний, признаний и так далее. Но во множестве этих документов, воспроизводят ли они дословно высказывания «людей чести» или представляют собой лишь бледные тени этих высказываний, обнаруживаются, подобно

окрашенным кровью каплям воды, следы смертоносной игры, каковой, собственно, и является жизнь мафии.

Поскольку в любой истории, не говоря уже о книге, которая осмеливается заглянуть в изолированный мир сицилийской мафии, непременно присутствует элемент сомнения, моя книга не может служить последним и решающим доказательством вины или невинности людей, упомянутых на ее страницах; история мафии не есть ретроспективный судебный процесс. Впрочем, выводы, к которым я прихожу, в той же мере не являются и догадками. Неправильно (да и бесполезно) пытаться заключить давно умерших исторических персонажей в воображаемую тюрьму, однако мы можем проследить в десятилетиях характерный «запах мафии» – есть такое итальянское присловье, – до сих пор весьма отчетливый.

В истории мафии множество персонажей и множество слоев. Соответственно отдельные главы этой книги излагают собственные истории – от солдат к боссам, из света в тень и обратно, от убийц к жертвам, врагам и соратникам, от беднейших из бедных до наиболее могущественных. В одной или двух главах, в связи с недостатком исторических свидетельств, мафия остается тем, чем часто представлялась: зловещей призрачной силой.

Прежде чем перейти к рассказу о происхождении мафии, необходимо вкратце охарактеризовать жизнь внутри «Коза ностры», жизнь, которой управляет неуклонно соблюдаемый кодекс мафиозной чести. Недавние перебежчики открыли нам глаза на образ мышления современных мафиози; раньше об этом ничего не знали. Разумеется, использовать наше знание о вещах наподобие кодекса чести, дабы заполнить неизбежные пустые места в истории мафии, значит существенно упрощать ситуацию. При этом с годами становится совершенно очевидным, что знаменитая криминальная организация Сицилии на протяжении 140 лет с момента своего основания почти не менялась вместе с окружающим миром. Не было доброй мафии, которая вдруг «испортилась» и озлобилась. Не было традиционалистской мафии, которая затем осовременилась, организовалась и приобрела деловую хватку. Мир менялся, но сицилийская мафия лишь адаптировалась к этим переменам; сегодня она – та же самая, какой была при своем возникновении: тайное общество, добывающееся власти и богатства через культивирование искусства безнаказанного убийства.

«Люди чести»

Бесчисленные фильмы и романы придали мафии зловещее очарование. Эти повествования оказались столь убедительными потому, что драматизировали повседневность, добавляя к ней холодок по коже, возникающий из сочетания опасности и непревзойденной хитрости. Мир кинематографической мафии есть мир, в котором конфликты, ощущаемые всеми и каждым – между соперничающими амбициями, обязательствами и семьями, – становятся вопросами жизни и смерти.

Будет одновременно ханжеством и ложью утверждать, что мафии, изображаемой в фильмах и романах, не существует; она существует, но она стилизована. Мафиози, подобно всем прочим, обожают смотреть телевизор и ходить в кино, дабы полюбоваться на стилизованные версии их повседневной жизни на экранах. Томмазо Бушетта был без ума от «Крестного отца», хотя считал, что сцена в конце фильма, когда мафиози целуют руку Майклу Корлеоне, не соответствует действительности. Конфликтующие между собой обязательства, которые движут Майклом Корлеоне в исполнении Аль Пачино, – амбициозность, ответственность, долг перед семьей, – на самом деле идентичны тем, которые определяют жизнь настоящих мафиози.

Принципиальное отличие реальности от вымысла состоит в том, что никакое очарование кинематографа не выдерживает столкновения с ужасающей реальностью «Коза ностры». Менее очевидно, но не менее важно то обстоятельство, что история Майкла Корлеоне повествует о моральной угрозе неконтролируемой власти, тогда как настоящие сицилийские мафиози подчиняются кодексу чести, ограничивающему свободу их действий. «Человек чести» может манипулировать этими правилами, переписывать их и даже иногда пренебрегать ими, однако он всегда помнит, что именно эти правила обеспечивают ему то или иное положение в глазах старших. Отсюда вовсе не следует, что кодекс мафиозной чести имеет сколько-нибудь прямое отношение к чести в представлении обычных людей. В «Коза ностре» слово «честь» наделено совершенно особым значением, оправдывающим многие поступки членов мафии, в том числе и «подвиги» Джованни Бруски – того самого человека, который несет ответственность за взрыв у Капачи.

В «Коза ностре» Бруска был известен под прозвищем «lo scannacristiani» – «тот, кто режет глотки христианам». На Сицилии слово «христианин» – синоним слова

«человек»; в мафиозных кругах быть христианином означает быть «человеком чести». Бруска входил в состав «отряда смерти», подчинявшегося непосредственно боссу боссов, главе корлеонцев Коротышке Тото Риине. После взрыва в Капачи Джованни Бруска не бездельничал. Он убил босса семьи Алькамо, который начал оспаривать власть Риины; через несколько дней после этого убийства люди Бруски задушили беременную подругу жертвы. Затем Бруска прикончил чудовищно богатого бизнесмена – и «человека чести», не сумевшего воспользоваться своими политическими связями, чтобы защитить мафию от «макси-процесса».

Дальше было только хуже. «Lo scannacristiani» дружил с другим «человеком чести» Сантино Ди Маттео, чей маленький сын Джузеппе часто играл с Бруской в семейном саду. Все это происходило до того, как Сантино Ди Маттео решил поделиться тайнами «Коза ностры» с государством: он первым среди мафиози рассказал властям, как было спланировано и осуществлено убийство Фальконе. Выполняя распоряжение вышестоящих, Бруска похитил сына Ди Маттео из гимнастического зала и продержал его в заложниках в погребе целых двадцать шесть месяцев. Наконец в январе 1996 года, когда Джузеппе исполнилось четырнадцать, Бруска приказал задушить мальчика, а тело его растворить в кислоте.

«Lo scannacristiani» был арестован 20 мая 1996 года в сельской местности близ Агриженто. Четыреста полицейских окружили двухэтажный, похожий на коробку дом, где укрывался мафиозо. Около 9 утра группа численностью в тридцать человек проникла в здание через двери и окна. Бруска сидел за столом вместе с семьей и смотрел по телевизору передачу о Джованни Фальконе, четвертую годовщину со дня смерти которого отмечали в Италии накануне. В спальне полиция обнаружила платяной шкаф, битком набитый одеждой от Армани и Версаче, и большую красную сумку с 15 000 долларов в итальянской и американской валюте, а также два сотовых телефона и различные драгоценности, в том числе часы от Картье. На столе в гостиной лежал пистолет с коротким стволом – пластиковый муляж, оружие сына Бруски, Давиде.

Ныне Бруска сотрудничает с полицией. По его собственному, устрашающе неопределенному признанию, он убил «гораздо больше сотни, но меньше двухсот человек». Вот что он заявил по поводу смерти Джузеппе Ди Маттео:

«Если бы у меня было время подумать, или успокоиться, как бывало в других случаях, тогда, наверно, появилась бы маленькая надежда – один шанс из тысячи, из миллиона, – что парень останется в живых. Но что уж теперь рассуждать, как оно могло бы выйти. В тот момент я просто не успел задуматься».

В сицилийской мафии пугает то, что люди наподобие «*lo scannacristiani*» отнюдь не считаются в ней отщепенцами. Их действия вполне совместимы с мафиозным кодексом чести, с тем, как, по представлениям «Коза ностры», должны вести себя заботливый муж и любящий отец. До того дня, когда он решил отдаться под защиту государства и поведать о своих преступлениях, все действия Бруски, включая убийство ребенка немногим старше его собственного, воспринимались другими мафиози как вполне справедливые и «честные».

После взрыва в Капачи ряды перебежчиков стали пополняться, причем некоторые из «раскаявшихся» оправдывали свое решение тем, что киллеры наподобие «*lo scannacristiani*» предали традиционные ценности и кодекс чести. Томмазо Бушетта прибегнул к тому же доводу: «Не я оставил “Коза ностра”, а “Коза ностра” бросила меня». Но это утверждение по меньшей мере спорно, поскольку в рядах мафии предательство и жестокость всегда прекрасно сочетались с кодексом чести. Джованни Бруска – куда более типичный мафиозо, чем могло бы показаться со слов некоторых перебежчиков.

Новая «послекапачийская» волна *pentiti* позволила исследователям получить подтверждение ряда сведений о внутренней культуре мафии – сведений, предоставленных Бушеттой и его соратниками. Сегодня ясно, что кодекс чести представляет собой гораздо большее, нежели просто свод правил. Стать «человеком чести» означает приобрести новую личность, вступить в новый этический универсум. Честь мафиозо – знак этой новой личности, этой новой этической принадлежности.

Томмазо Бушетта вкратце изложил Фальконе мафиозный кодекс чести в 1984 году. Он рассказал об инициационном обряде, в ходе которого кандидат приносит клятву молчания и верности до самой смерти, держа в руках горящий образ (обычно изображение Благовещения). Прежде слухи об этом диковинном ритуале считались народными домыслами; эта часть показаний Бушетты до сих пор кажется противоречащей здравому смыслу. Однако из признаний Бушетты, «*lo scannacristiani*» и других мафиози стало совершенно очевидно, что члены

мафии принимают подобные ритуалы всерьез, как вопросы чести, жизни и смерти.

Обряд посвящения показывает, что честь, как статус, полагается заслужить. До тех пор пока он не стал «человеком чести», кандидат в мафиози находится под пристальным наблюдением и проходит испытания: почти всегда необходимым условием для вступления в мафию является совершение убийства. В период подготовки кандидату постоянно напоминают, что, пока не пройден ритуал, он – никто, «ничто, помноженное на нуль». Поэтому инициация зачастую оказывается важнейшим событием в жизни мафиози. Сжигание священного образа символизирует смерть обычного человека и его возрождение в качестве «человека чести».

При посвящении кандидат приносит клятву повиновения; это первая опора кодекса чести. «Посвященный» всегда послушен своему капо; он никогда не спрашивает: «Зачем?» Один из способов осознания необходимости полного подчинения является одновременно самым главным испытанием: имеется в виду способность убивать женщин и детей. Сицилийская мафия всегда выказывала трепетное отношение к подобным случаям; мафиози не упускали случая упомянуть о том, что и пальцем не касались ни детей, ни женщин. Следует признать, что многие «люди чести» и вправду стремятся придерживаться этого принципа.

Разумеется, «Коза ностра» не убивает младенцев направо и налево – не в последнюю очередь из-за того, что такие убийства могут подпортить ее имидж и отпугнуть от нее даже ближайших сторонников. Тем не менее, Джузеппе Ди Маттео был далеко не первым ребенком, погибшим от рук мафиози. Устранение женщин и детей признается бесчестным только в случае, если оно было совершено без необходимости; наущной же эта операция становится, когда на кону оказывается жизнь мафиозо – между тем, нередко бывает, что человек подвергает собственную жизнь опасности, просто вступив в «Коза ностру»...

Как почти все преступления мафии, убийство Джузеппе Ди Маттео было совершено с общего согласия. Смерть мальчика оказалась частью стратегии, избранной лидерами «Коза ностры» для борьбы с перебежчиками, признания которых ставили под угрозу всю организацию. А поскольку решение было принято коллегиально и сделалось, тем самым, частью политики организации, не исполнить его означало бы нарушить кодекс чести.

Здесь и пригодилась клятва повиновения. Мафиозо, осуществивший приговор и своими руками задушивший Джузеппе Ди Маттео по приказу Бруски, позднее объяснял суду:

«Если хочешь сделать карьеру, надо всегда соответствовать... Я хотел подняться повыше, так что согласился с самого начала: знал, что коли получится, все будет как надо. Я был солдатом “Коза ностры”, подчинялся приказам; мне следовало задушить мальчика, чтобы взобраться наверх, – и я его задушил. Такие дела».

Честь приобретается через послушание; в награду за «соответствие» мафиози получают дополнительные «баллы», а через них – доступ к большому количеству денег, большим объемам информации, большей власти. Принадлежность к «Коза ностре» наделяет человека теми же преимуществами, что и принадлежность к другим организациям: возможность карьерного роста, осознание собственного статуса, развитие чувства коллективизма, шанс переложить ответственность, моральную и иную, на вышестоящих и т. п. Все перечисленные позиции суть неотъемлемые элементы мафиозного кодекса чести.

Честь также предусматривает искренность по отношению к другим «людям чести» – и, следовательно, провоцирует знаменитую эвфемистическую манеру речи мафиози. Джованни Бруска вспоминал, что, встретившись в Нью-Джерси с американскими мафиози, он был потрясен их болтливостью. В его честь был организован ужин; едва войдя в ресторан, Бруска с изумлением отметил, что все без исключения местные мафиози привели с собой любовниц. Мало того, они открыто обсуждали, кто из собравшихся к какой мафиозной семье принадлежит. «На Сицилии никому из нас и в голову не пришло бы говорить о таких вещах в ресторане. Да и наедине, если уж на то пошло. Все и так знают ровно столько, сколько им нужно знать». По словам Бруски, он настолько растерялся, что извинился и ушел. «Другой подход, – заключил он свои рассуждения о встрече с американцами. – Они живут при свете дня и убивают только в крайнем случае, когда больше некуда деваться. Такой резни, как бывает у нас на Сицилии, им и не снилось».

Обязанность мафиози говорить правду частично призвана обеспечить взаимное доверие, которое, как правило, в дефиците среди преступников. Потребность в доверии также объясняет те статьи кодекса мафии, где говорится о сексе и

браке. Новые «посвященные» клянутся не иметь доходов с проституции; переспать с женой другого мафиозо означает подписать себе смертный приговор. Более того, если мафиозо увлекается азартными играми и женщинами и кичится своим богатством, скорее всего, его сочтут не заслуживающим доверия и потому вполне заменимым. Тот, кто придерживается правил кодекса, демонстрирует своим соратникам, что на него можно положиться. По той же причине высшее руководство мафии демонстративно «пачкает руки»: культуре организации вообще присущ старомодный патриархальный мачизм. К примеру, деловое расписание добропорядочного мафиозо должно включать в себя мужские развлечения – охоту и участие в банкетах.

Честь также включает в себя верность. Членство в «почетной организации» (как именуют мафиози свой синдикат) влечет за собой формирование новых привязанностей, куда более значимых, нежели кровные узы. Честь требует от мафиозо ставить интересы «Коза ностры» выше родственных интересов. Энцо Бруска, брат «lo scannacristiani», также работал на мафию, участвовал в убийствах, но так и не стал «человеком чести». Как и подобает, он не задавал вопроса: «Почему?» О деяниях своих родичей-членов «Коза ностры» он узнавал из слухов и газетных статей, а потому долгое время и не подозревал, что его отец – босс местного mandamento (района). Иными словами, хотя Энцо Бруска участвовал в операциях и входил в ту же семью, что и «люди чести», он не был посвящен в деятельность Семьи с большой буквы.

Обратное не верно – в том отношении, что босс мафии в полном праве наблюдать за личной жизнью своих подчиненных и вмешиваться в нее. Например, чтобы жениться, мафиозо чаще всего должен получить разрешение у своего капо. Для организации жизненно необходимо, чтобы ее члены выбирали себе партнеров разумно, а в браке вели себя достойно. По правде сказать, у мафиози гораздо больше причин доставлять удовольствие своим женам, нежели у обычных людей: разочарованная браком жена мафиозо способна причинить урон организации в целом – хотя бы через обращение в полицию. Члены «Коза ностры» блюдают престиж своих супругов: табу на адюльтер во многом объясняется тем, что, как пояснял судья Фальконе, жены «людей чести» не должны подвергаться унижениям в своей социальной среде. Мафиози часто женятся на сестрах и дочерях других «людей чести» – на женщинах, которые всю жизнь провели в кругу мафии и потому с высокой долей вероятности будут играть скромную подчиненную роль, предназначенную им организацией. Несмотря на свое подчиненное положение, женщины могут помогать мужчинам – это допускается кодексом. Однако они не могут официально вступить в мафию; звание «человек чести» – сугубо мужская привилегия. Тем не менее, честь

мафиозо повышает престиж его супруги, а «приличное поведение» жены дает мужу дополнительные «баллы» чести.

Судья Фальконе однажды сравнил вступление в мафию с обращением в веру: «Нельзя перестать быть священником. Или мафиозо». Параллели между мафией и религией этим не ограничиваются, во многом потому, что многие «люди чести» являются верующими. Босс Катании Нитто Сантапаола построил на своей вилле часовенку с алтарем; по словам одного *pentito*, тот же самый Сантапаола приказал задушить и бросить в колодец четверых юнцов, напавших на его мать. Нынешний «главный босс» Бернардо Провенцано по прозвищу Трактор общается с подчиненными из тайного логова, посылая им записки; некоторые полиция удалось перехватить. Все они содержат благословения и обращения к небесному покровительству: «Я всей душой желаю быть слугой Господним». Один из боссов, возглавлявших, подобно «*lo scannacristiani*», отряд смерти, молился перед каждой операцией: «Господи, воля Твоя, это они хотят погибнуть, а на мне вины нет!»

Подобные сантименты в известной мере суть проявления терпимости, которую католическая церковь проявляла по отношению к мафии на протяжении многих лет. Церковники нередко воспринимали людей, чье могущество возникло на крови, так, будто они ничем не отличались от прочих, «обыденных» грешников. Церковь не обращала внимания на злое влияние мафии, поскольку последняя, как казалось, исповедует те же христианские ценности: почтительность, смирение, уважение к традициям, святость семьи. Более того, церковь охотно принимала подношения из богатств, накопленных нечестным путем. Ей достаточно было видеть в *cosche* (множественное число от *cosca*) сообщества верующих, поэтому она доверяла управление благотворительными фондами администраторам с руками по локоть в крови. Среди служителей церкви, как ни чудовищно это прозвучит, были даже убийцы. История взаимоотношений церкви с мафией пестрит подобными эпизодами.

Но дело отнюдь не в том, что мафия, как утверждают некоторые, представляет собой своеобразное ответвление католической церкви. Религия мафиозо не имеет ничего общего с церковью как социальным институтом. На деле тайна религиозности мафии заключается в том, что религия и мафиозный кодекс чести служат одной и той же цели; они выражают одно и то же на разных языках. Религиозность мафии порождает чувства принадлежности, сопричастности и доверия плюс свод гибких правил, опирающихся на церковную лексику, тогда

как кодекс чести апеллирует к рыцарским чувствам, пользовавшимся популярностью в тот период, когда мафия только зарождалась.

Как и честь, религия помогает мафиози оправдывать свои действия – перед самими собой, перед другими, перед семьями. Мафиози часто считают, что убивают во имя чего-то большего, нежели деньги и власть; пытаюсь определить это большее, они чаще всего употребляют слова «честь» и «Бог». Религия, которую исповедуют мафиози и члены их семей, находится в универсуме мафиозного кодекса чести; крайне сложно установить, где заканчивается искренняя – пускай ошибочная – вера и где начинается циничный обман. Чтобы понять образ мышления мафии, нужно отдавать себе отчет в том, что в сознании каждого члена организации правила чести соседствуют с расчетливостью, ложью и безжалостной жестокостью.

Тем самым «честь» выступает как знак профессиональных достижений, система внутренних ценностей и как тотем, как олицетворение групповой идентичности организации, которая трактует себя как стоящую выше добра и зла. Поэтому честь не имеет ничего общего с сицилийскими традициями, рыцарством или католицизмом. Выражается ли она в религиозных терминах или в псевдо-аристократическом наречии, вся жизнь мафиози определяется кодексом, безоговорочно подчиняющим интересы отдельных членов мафии интересам организации в целом.

Когда все складывается удачно, кодекс внушает мафиози чувство гордости за себя и своих соратников. Мафиозо из Катании Антонино Кальдероне заявил: «Мы – мафиози, все прочие – обыкновенные люди»: под этими словами подписался бы любой член мафии. Однако именно по этой причине мафиозо без чести – никто, он – мертвец. Для члена «Коза ностры» потерпеть поражение в одной из многочисленных междоусобных стычек и потерять честь – совершенно равнозначные события.

Не удивительно поэтому, что решение нарушить кодекс чести и стать государственным свидетелем оказывает на некоторых мафиози травматическое воздействие. Ведь оно означает отказ от коллектива, разрыв дружеских и семейных уз, попытку примириться с жизнью, основанной на убийствах, – и автоматический смертный приговор. Джованни Бруска утверждал, что ему потребовалось гораздо больше мужества, чтобы принять подобное решение, чем чтобы убивать.

Нино Джое – так звали того мафиозо, который шептал: «Ваи!», когда Бруска готовился нажать на кнопку у Капачи. Будучи арестован и помещен в одиночную камеру летом 1993 года, Джое начал ощущать бремя долгих лет, прожитых по правилам «Коза ностры». Он знал, что полиции удалось прослушать часть его разговоров и что в этих разговорах он, сам того не желая, выдал государству других членов организации – то есть невольно нарушил священнейшую из заповедей «Коза ностры». Он чувствовал, как среди его товарищей по заключению нарастает напряжение. Чем тяжелее становилось бремя, тем больше Джое нервничал; он отпустил бороду и перестал следить за своей одеждой. «Людам чести» даже в тюрьме полагается поддерживать достоинство, посему внешний вид Джое лишь усугублял опасения тех, кто окружал его в тюрьме: мафиози боялись, что он сломается и выложит полиции все, что знает. Однако 28 июля 1993 года Джое повесился в камере на шнурах своих теннисок. Для «людей чести» кончать жизнь самоубийством крайне нетипично; посмертная записка Джое может послужить финальным примером того, что значит жить и умирать по кодексу чести:

«Этим вечером я обрету покой и безмятежность, которые утратил лет семнадцать назад [при посвящении в “Коза ностру”]. Утратив их, я превратился в чудовище и оставался чудовищем до тех пор, пока не взял в руки карандаш, чтобы написать эти строки... Прежде чем уйти, прошу прощения у своей матери и у Господа Бога, потому что их любовь не ведает пределов. Остальной мир – я знаю – никогда меня не простит».

Вопрос, возникающий у историка, который лицезрел эту картину из жизни «Коза ностры», гласит: «Всегда ли так бывает?» Ответ на удивление прост: никто не может сказать наверняка. Pentiti неоднократно давали показания в полиции, но разговор всегда шел о конкретных преступлениях, а не о том, каково это – быть мафиозо. Но те немногие свидетельства, которыми мы располагаем, дают основание считать, что жизнь мафиози так или иначе строится вокруг кодекса чести. В конце концов, не будь его, мафия вряд ли просуществовала бы так долго – более того, могла бы и вовсе не возникнуть.

Возникновении мафии: 1860–1876 гг.

Два цвета Сицилии

Палермо стал итальянским городом 7 июня 1860 года, когда, по условиям прекращения огня, две длинные змеи – колонны побежденных – выползли из города и сложились вдвое против собственной длины за городскими стенами в ожидании кораблей, которые должны были переправить их домой, в Неаполь. Отступление неаполитанцев стало кульминацией одного из наиболее известных военных свершений столетия, вершиной патриотического героизма, поразившего Европу. До того дня Сицилией управляли из Неаполя, как частью королевства Бурбонов, охватывавшего почти всю южную Италию. В мае 1860 года Джузеппе Гарибальди и около 1000 добровольцев – знаменитых краснорубашечников – высадились на острове с целью присоединить его к новообразованному Итальянскому королевству. Под руководством Гарибальди эти патриотичные оборванцы дезориентировали и разгромили куда более многочисленную неаполитанскую армию. Палермо сдался после трех дней ожесточенных уличных боев, причем на протяжении этого времени флот Бурбонов непрерывно бомбардировал город.

После освобождения Палермо Гарибальди повел своих людей, заметно увеличившихся в числе и превратившихся уже в настоящую армию, на восток, к материку. 6 сентября героя приветствовал Неаполь, а в следующем месяце он передал все освобожденные им территории под власть короля Италии. Сам Гарибальди отказался от каких бы то ни было наград и вернулся на свой остров Капрера, имея при себе разве что пончо, немного еды и семена для сада. Проведенный вскоре плебисцит подтвердил, что Сицилия и южная Италия действительно стали частью Итальянского королевства.

Даже современники считали свершения Гарибальди «эпическими» и «легендарными». Однако эти достижения быстро утратили значимость, превратились в воспоминание – столь напряженными и мучительными оказались взаимоотношения Сицилии с Итальянским королевством. Гористый остров издавна пользовался дурной славой революционного порохового бочонка. Гарибальди преуспел на Сицилии во многом потому, что его интервенция привела к народному восстанию, сокрушившему режим Бурбонов. Как не

замедлило выясниться, восстание 1860 года было лишь прелюдией к настоящим неприятностям. Причисление 2,4 миллионов сицилийцев к гражданам Италии обернулось подлинной эпидемией заговоров, грабежей, убийств и сведений счетов.

Королевские министры, по происхождению в основном из северной Италии, рассчитывали найти себе партнеров среди верхних слоев сицилийского общества, среди тех, кто напоминал им их самих – консервативных землевладельцев, обладающих способностью управлять и имеющих желание осуществлять упорядоченное экономическое развитие. Вместо этого министры, к их неподдельному изумлению, столкнулись с откровенной анархией: революционеры-республиканцы имели тесные контакты с шайками преступников, аристократы и церковники тосковали по режиму Бурбонов или же ратовали за автономию Сицилии, местные политики не брезговали похищениями и убийствами как инструментами борьбы с не менее неразборчивыми в средствах оппонентами. Вдобавок государство объявило всеобщую воинскую обязанность, о которой на Сицилии прежде не слыхивали, а потому встретили в штыки. Многие также считали, как оказалось, что участие в народной революции освобождает их от необходимости платить налоги.

Сицилийцы, пожертвовавшие политическими амбициями во имя революции, возмутились поведением правительства, которое высокомерно, как они полагали, лишило их доступа к власти – а ведь последняя требовалась им для решения проблем острова. В 1862 году сам Гарибальди впал в такое отчаяние от состояния дел в новообразованном королевстве, что вернулся из добровольной отставки и использовал Сицилию как базу для организации нового вторжения на материк. Он стремился освободить Рим, который по-прежнему оставался под властью папы (Рим стал столицей Италии только в 1870 году). Правительственные войска остановили Гарибальди в горах Калабрии, где недавний герой был ранен в пятку.

Итальянское правительство отреагировало на кризис введением на Сицилии чрезвычайного положения, тем самым подав пример на десятилетия вперед. Не желая или будучи не в силах умиротворять Сицилию политически, правительство регулярно прибегало к военной силе: на острове то и дело высаживались экспедиционные корпуса, города подвергались осаде, проводились массовые облавы и аресты – без суда и следствия. Но ситуация нисколько не улучшалась. В 1866 году в Палермо вспыхнул новый бунт, во многом идентичный тому восстанию, которое свергло Бурбонов. Как это было во

время атаки Гарибальди в 1860 году, отряды бунтовщиков спустились в город с окрестных холмов. Ходили слухи – не получившие подтверждения – о случаях каннибализма и питья крови; правительство вновь ввело чрезвычайное положение. Бунт 1866 года был подавлен, но только через десять лет, наполненных волнениями и репрессиями, Сицилия привыкла к существованию заодно с прочей Италией. В 1876 году островные политики впервые вошли в состав коалиционного правительства в Риме.

Постоянным контрапунктом к возмущениям на Сицилии между 1866 и 1876 годами оставалось впечатление, которое красоты острова производили на путешественников, зачистивших на Сицилию после присоединения ее к Италии. Все эти путешественники теряли дар речи, когда им открывался вид на Палермо. Один *garibaldino*, впервые увидевший Палермо с моря, вспоминал, что город выглядел будто воплощение детской сказки. Его стены были окружены поясом оливковых и лимонных рощ, за которыми возвышался амфитеатр окрестных холмов и гор. Суровое очарование заключалось и в городской планировке: две главных улицы Палермо шли перпендикулярно друг другу и пересекались у Кватро Канти («четыре углов») – площади семнадцатого века. На каждом из углов Кватро Канти возвышался ансамбль балконов, карнизов и ниш, символизировавший четыре городских квартала.

Несмотря на урон, причиненный бомбардировкой с моря, Палермо в 1860-е годы предлагал местным жителям и приезжим многочисленные развлечения: самым главным из них, пожалуй, считалась прогулка по знаменитой морской набережной – Марине. На протяжении бесконечно длинного лета, едва спадала невыносимая дневная жара, благородные горожане отправлялись на прибрежные прогулки в свете луны и вдыхали ароматы цветущих деревьев – или же поедали мороженое и шербет, совершая променады под мелодии известных опер в исполнении городского оркестра.

На узких извилистых улочках вдалеке от главных улиц и от Марины аристократическими дворцам приходилось тесниться по соседству с рынками, мастерскими ремесленников, складами и почти двумястами (точнее, 194) богоугодными обителями. В начале 1860-х годов приезжие не уставали отмечать количество монахов и монахинь на городских улицах. Также Палермо казался своего рода каменным палимпсестом культуры, уходящей в глубь времен на многие сотни лет. Подобно острову в целом, город изобиловал монументами, оставшимися после многочисленных захватчиков. Начиная с древних греков каждая средиземноморская держава, от Рима до королевства Бурбонов,

стремилась подчинить Сицилию себе. На многих остров производил впечатление собрания диковинок: греческие амфитеатры и храмы, римские виллы, арабские мечети и сады, норманнские соборы, дворцы эпохи Возрождения, церкви в стиле барокко...

Сицилия воспринималась в двух цветах. Когда-то она была житницей древнего Рима. На протяжении столетий пшеница колосилась на бескрайних полях, золотая окружающие холмы. Другой цвет был менее «возрастным». Арабы, завоевавшие Сицилию в девятом веке, принесли с собой новую технологию орошения земель; при них остров покрылся цитрусовыми рощами, наделившими северное и восточное побережья сенью темно-зеленой листвы.

Именно в беспокойные 1860-е годы итальянская правящая верхушка впервые услышала о сицилийской мафии. Поскольку никому не было известно, что это такое на самом деле, люди, писавшие о мафии, заключали, что она – рудимент, наследие Средних веков, этакое свидетельство столетий дурного правления чужеземцев, благодаря которому остров пребывал в отсталом состоянии. Соответственно истоки мафии пытались обнаружить в пшеничном золоте холмов, среди древних поместий, где выращивали пшеницу. Несмотря на свою дикую красоту, внутренняя часть Сицилии была наглядной метафорой всего, что Италия стремилась изжить и оставить позади. В огромных поместьях трудились сотни голодных крестьян, которых эксплуатировали жестокие помещики. Многие итальянцы видели в мафии олицетворение сицилийской отсталости и бедности и надеялись, что мафия исчезнет сама собой, как только Сицилия вынырнет из пучины изоляции и нагонит историческое время. Некий оптимист даже утверждал, что мафия исчезнет «с первым свистком локомотива». Эта вера в древность мафии никогда не иссякала окончательно – во многом потому, что «люди чести» ее поддерживали. Томмазо Бушетта искренне полагал, что мафия зародилась в средние века как движение сопротивления французским оккупантам.

Однако на самом деле мафия не может похвастаться столь почтенным возрастом. Она зародилась приблизительно в то время, когда о ней впервые слышали гневливые итальянские правительственные чиновники. Мафия и новообразованное государство родились вместе. Между прочим, известность, которую получило слово «мафия», представляет собой весьма любопытный факт; итальянское правительство, озаботившееся этим словом и тем, что за ним стояло, сыграло существенную роль в его распространении.

Как и подобает, пожалуй, преступному гению мафии, ее происхождение невозможно свести к какой-либо одной истории – придется анализировать сразу несколько. Изучение этих историй и сопоставление их требует определенной хронологической сноровки, если не сказать – изворотливости: нам придется перемещаться то вперед, то назад в беспокойном десятилетии 1866–1876 гг. и даже совершить короткое путешествие на пятьдесят лет в прошлое, а также прислушаться к свидетельствам людей, бывших свидетелями и соучастниками зарождения мафии.

Лучше всего начать не со слова «мафия» – по причинам, которые непременно выяснятся, – а с дел ранней мафии и с мест, где она начинала свою деятельность. Ведь если мафия не может претендовать на древность, значит, покрытые пшеничным золотом холмы внутренней Сицилии отнюдь не являются местом ее рождения. Мафия возникла в той области, которая до сих пор представляет собой сердце острова, в которой сосредоточены сицилийские богатства, – на темно-зеленом побережье, среди современного капиталистического импортно-экспортного бизнеса, в идиллических апельсиновых и лимонных рощах на окраинах Палермо.

Доктор Галати и лимонный сад

Мафия оттачивала свои методы в период быстрого роста производства и сбыта цитрусовых. Сицилийские лимоны приобрели товарную ценность в конце 1700-х годов. Бум продажи этих удлиненных желтых плодов в середине девятнадцатого столетия привел к разрастанию темно-зеленого пояса Сицилии. Значительную роль в этом буме сыграла Британская империя. С 1795 года на Королевском флоте лимоны использовались как средство для предотвращения цинги. Кроме лимонов, англичане импортировали бергамот: его масло добавлялось к чаю «Эрл Грей»; коммерческое производство началось в 1840-х годах.

Сицилийские апельсины и лимоны поставлялись в Нью-Йорк и Лондон уже в те времена, когда во внутренней Сицилии об этих плодах знали только понаслышке. В 1834 году экспорт цитрусовых с острова составил 400 000 ящиков; к 1850 году ящиков насчитывалось уже 750 000. В середине 1880-х годов в Нью-Йорк ежегодно доставлялось 2,5 миллиона ящиков с итальянскими

цитрусовыми, и большая часть плодов шла из Палермо. В 1860 году – в год похода Гарибальди – было подсчитано, что сицилийские лимонные плантации являются самым прибыльным сельскохозяйственным угодьем в Европе и превосходят по этому показателю даже фруктовые сады вокруг Парижа. В 1876 году разведение цитрусовых давало на гектар в среднем в шестьдесят раз больше прибыли, нежели любой другой участок земли на острове.

В девятнадцатом столетии плантации цитрусовых были вполне современными предприятиями, требовавшими значительных первоначальных инвестиций. Землю следовало расчистить от камней, устроить террасы, возвести склады, проложить дороги, построить стены для защиты урожая от ветра и от воров, выкопать оросительные каналы, установить шлюзы и так далее. Чтобы деревья начали плодоносить, требовалось подождать около восьми лет после посадки. На прибыль же можно было рассчитывать лишь еще несколько лет спустя.

Так что уровень первоначальных затрат был весьма высок; кроме того, лимонные деревья оказались крайне уязвимыми. Достаточно было непродолжительного перебоя с подачей воды, чтобы плантация погибла. Существовала и постоянная угроза вандализма, направленного как на плоды, так и на сами деревья. Именно это сочетание уязвимости и прибыльности создало питательную среду для развития практики мафиозного «покровительства».

Хотя лимонные плантации существовали и существуют по сей день во многих прибрежных районах Сицилии, мафия вплоть до сравнительно недавних пор оставалась почти исключительно западносицилийским феноменом. Она возникла в ближайших окрестностях Палермо. В 1861 году, когда в городе насчитывалось почти 200 000 жителей, Палермо был политическим, юридическим и банковским центром западной Сицилии. Среди местных ростовщиков и торговцев недвижимостью ходило больше денег, чем где бы то ни было еще на острове. Палермо был центром оптовой и розничной торговли и крупным портом. Именно здесь продавались, покупались и сдавались в аренду земельные угодья как по соседству с городом, так и в других областях. Кроме того, Палермо устанавливал для Сицилии правила политической игры. Иными словами, мафия родилась не из бедности и островного уединения, но из богатства и власти.

Лимонные рощи в окрестностях Палермо стали антуражем для истории первой жертвы мафии, удостоившейся детального описания своих невзгод. Этой

жертвой был уважаемый врач Гаспаре Галати. Почти все, что известно о нем как о человеке – и человеке весьма мужественном, – почерпнуто из показаний, которые он впоследствии давал властям, подтвердившим со временем достоверность сообщенных им подробностей.

В 1872 году доктор Галати от имени своих дочерей и их тетки по материнской линии вступил во владение наследством, жемчужиной которого была Фондо Риелла – «садик», то есть плантация, лимонов и мандаринов, площадью в четыре гектара в Маласпине, в пятнадцати минутах ходьбы от границы Палермо. Эта плантация считалась образцовым предприятием: деревья орошались при помощи современного парового насоса мощностью в три лошадиных силы, для управления насосом требовался специально обученный человек. Однако, вступая во владение имуществом, Гаспаре Галати отчетливо сознавал, что крупные вложения в бизнес находятся под угрозой.

Прежний владелец Фондо Риелла, шурина доктора Галати, умер от сердечного приступа, последовавшего в результате серии угрожающих писем. За два месяца до смерти он узнал от человека, управлявшего насосом, что письма посылал смотритель плантации Бенедетто Каролло, надиктовывавший тексты своему сообщнику, умевшему писать и читать. Каролло не имел образования, зато прекрасно умел считать: по показаниям Галати, смотритель вел себя так, будто плантация принадлежала ему, не скрывал, что получает 20–25 процентов от стоимости продукции, и даже крал уголь, предназначенный для парового насоса. Больше всего шурина доктора Галати беспокоило то обстоятельство, что Каролло не просто воровал: похоже, он неплохо разбирался в производстве цитрусовых и намеревался уничтожить плантацию Фондо Риелла.

Между сицилийскими рощами, в которых росли лимоны, и лавками и магазинами в северной Европе и в Америке, где люди покупали эти плоды, выстраивались длинные цепочки из торговых агентов, оптовиков, упаковщиков и транспортников. Бизнес строился на бесчисленных финансовых спекуляциях, причем деньги вступали в действие, пока плоды еще созревали на деревьях; в качестве страховочной меры перед скудным урожаем и чтобы возместить высокие первоначальные вложения владельцы плантаций как правило продавали лимоны задолго до того, как наставала пора снимать урожай.

На Фондо Риелла шурина доктора Галати следовал установленной практике. Однако в начале 1870-х годов брокеры, купившие у него урожай плантации, неожиданно обнаружили, что лимоны и мандарины исчезают прямо с деревьев.

Фондо Риелла быстро приобрела крайне сомнительную деловую репутацию. Практически не было сомнений в том, что за исчезновением плодов стоит смотритель Каролло и что цель этого предприимчивого молодого человека заключается в сбивании цены на плантацию и последующем приобретении оной в собственность.

Вступив во владение Фондо Риелла после смерти шурина, доктор Галати решил избавиться себя от неприятностей и сдать плантацию в аренду. Но у Каролло были другие планы. Потенциальные арендаторы выслушивали от него вполне откровенные слова: «Клянусь кровью Христовой, этот сад никогда не будет сдан или продан». Это переполнило чашу терпения Галати: он выгнал Каролло и дал объявление о том, что ищет нового смотрителя.

Вскоре ему пришлось узнать, как молодой Каролло отнесся к тому, что у него, по его собственным словам, «отобрали законный кусок хлеба». Как ни удивительно, несколько ближайших друзей доктора Галати (людей, не имевших ни малейшего отношения к плодовому бизнесу) настойчиво стали советовать ему вернуть Каролло. Впрочем, доктор не собирался следовать совету.

Около 10 утра 2 июля 1874 года человек, которого доктор Галати нанял в качестве замены Каролло на должности смотрителя Фондо Риелла, был застрелен: ему несколько раз выстрелили в спину, когда он шел по узкой тропинке среди деревьев. Стреляли из-за каменной изгороди в соседней роще – практика, к которой часто прибегала мафия на раннем этапе своего существования. Жертва скончалась в больнице Палермо несколько часов спустя.

Сын доктора Галати отправился в местный полицейский участок, чтобы изложить теорию относительно причастности Каролло к этому убийству. Полицейский инспектор проигнорировал его слова и арестовал двоих мужчин, случайно проходивших мимо плантации. Позднее их отпустили, поскольку никаких доказательств их вины, естественно, найти не удалось.

Несмотря на столь обескураживающие события, доктор Галати нанял нового смотрителя. Вскоре в его дом подбросили несколько писем, в которых говорилось, что он поступил неверно, уволив «человека чести», то есть Каролло, и наняв «презренного шпиона». Также в письмах грозили, что если Галати не одумается и не вернет Каролло, ему грозит та же участь, что и прежнему смотрителю, – разве что «более варварская по манере». Спустя год, выяснив, с чем именно он столкнулся, доктор Галати так истолковал мафиозную

терминологию: «На языке мафии вор и убийца – человек чести, а жертва – презренный шпион».

Доктор пришел с этими письмами – их было семь – в полицию. Ему пообещали, что арестуют и самого Каролло, и его сообщников, среди которых был и приемный сын бывшего смотрителя. Впрочем, инспектор – тот самый, который ранее ухватился за ложный след – не торопился выполнять обещание. Прошло три недели, прежде чем он сподобился арестовать Каролло и его приемного сына, продержал их в участке два часа – и выпустил, на том основании, что они никак не замешаны в преступлении. Галати проникся уверенностью, что инспектор связан с преступниками.

Чем дальше он сражался за имущество, которым управлял, тем отчетливее становилась в сознании доктора Галати картина действий местной мафии. Cosca базировалась в соседней деревне Удиторе и прикрывалась вывеской религиозной организации. В этой деревне имелось небольшое христианское братство, «Терциарии святого Франциска Ассизского», которое возглавлял священник, бывший монах-капуцин, известный под именем отца Росарио; терциарии провозглашали своими задачами приверженность милосердию и помощь церкви. Отец Росарио, который при Бурбонах был полицейским осведомителем, также являлся тюремным капелланом и пользовался своим положением, чтобы передавать записки с воли в тюрьму и из тюрьмы на волю.

Но главарем банды был отнюдь не он. Председателем братства терциариев и боссом мафии в Удиторе был Антонино Джаммона. Родился он в крайне бедной крестьянской семье и начал карьеру с батрацкого труда. Революция, сопровождавшая интеграцию Сицилии в Итальянское королевство, позволила Джаммоне обзавестись достатком и влиянием. Восстания 1848 и 1860 годов дали ему возможность показать собственную удаль и занять влиятельных друзей. К 1875 году, когда ему исполнилось пятьдесят пять, он стал вполне состоятельным человеком; по сообщению шефа полиции Палермо, стоимость имущества Джаммоны составляла около 150 000 лир. Его подозревали в расправе с несколькими беглецами от правосудия, которых он сперва приютил. Как считала полиция, их смерти были связаны с тем, что они начали подворовывать с местных предприятий, находившихся под покровительством Джаммоны. Также было известно, что Джаммона получил крупную сумму денег и некое таинственное задание от знакомого преступника из-под Корлеоне, бежавшего в Соединенные Штаты от преследования полиции.

Доктор Галати описывал Антонино Джаммону как «молчаливого, напыщенного и осторожного». Есть все основания поверить этой характеристике, поскольку эти двое прекрасно знали друг друга: несколько членов семейства Джаммона были клиентами доктора Галати, причем последнему как-то довелось извлечь из бедра брата Антонино две мушкетных пули.

Мафия Удиторе занималась тем, что «покровительствовала» местным лимонным плантациям. Они заставляли землевладельцев принимать своих людей в качестве смотрителей, сторожей или брокеров. Контакты мафии с возчиками, оптовиками и портовыми грузчиками могли обернуться либо гибелью урожая, либо благополучной его доставкой на рынок; прибегая в случае необходимости к насилию, мафиози основывали миниатюрные картели и монополии. Завладев тем или иным fondo, мафия забирала столько, сколько считала нужным, – либо в качестве пресловутого «налога» за покровительство, либо чтобы перекупить предприятие, предварительно сбив на него цену до минимума. Причина бедствий доктора Галати заключалась не в том, что его почему-то невзлюбил Джаммона; нет, последний просто-напросто вознамерился подчинить себе все цитрусовые плантации в окрестностях Удиторе.

Убедившись, что влияние мафии распространяется и на местную полицию, доктор Галати решил обратиться со своими подозрениями прямо в следственную магистратуру. Решение окрепло после того, как полиция вернула ему лишь шесть из семи писем с угрозами: последнее, наиболее откровенное, «потерялось». От магистрата доктор Галати узнал, что подобная «некомпетентность» достаточно характерна для местного полицейского участка.

В доме тем временем появились новые подметные письма: доктору Галати давали неделю на то, чтобы уволить смотрителя и заменить его «человеком чести». Однако Галати был окрылен первым положительным результатом своей борьбы – полицейского инспектора, которого он подозревал в связях с мафией, отправили в отставку. Кроме того, доктор рассудил, что мафия не пойдет на убийство человека, занимающего в обществе столь высокое положение, как он, и потому проигнорировал ультиматум. Едва миновал указанный в письме срок, новый смотритель был расстрелян при свете дня в январе 1875 года. По подозрению в убийстве арестовали Бенедетто Каролло и двух других бывших работников fondo.

Это нападение неожиданно принесло удачу. Прежде чем потерять сознание в больнице, пострадавший опознал своих убийц. Поначалу он никак не реагировал на вопросы полицейских. Но когда лихорадка усилилась и смерть подступила вплотную, он попросил позвать следователя и заявил под присягой: в него стреляли именно те трое, которых арестовала полиция.

Ободренный магистратом, доктор Галати лично выхаживал раненого и не отходил от него ни днем, ни ночью. Сам он не покидал дома без револьвера, а жену и дочерей не выпускал на улицу. Письма с угрозами не прекращались, обстановка в семье становилась все более нервной. Доктору Галати писали, что его самого, а также жену и дочерей зарежут – быть может, когда они будут возвращаться из театра: шантажисты знали, что доктор имеет сезонный абонемент. Доктор выяснил, что агент мафии есть и в магистратуре, поскольку мафиози намекнули, что имеют доступ к его показаниям. Тем не менее, в последних подметных письмах сквозило отчаяние. Доктор Галати позволил себе надеяться, что на суде с участием свидетеля, готового давать показания, Бенедетто Каролло наконец-то не сумеет вывернуться.

И тут раненый смотритель, которого выхаживал доктор, взял дело в свои руки. Едва встав с больничной койки, он отправился к Антонино Джаммоне и договорился о перемирии. Джаммона организовал в честь этого события торжественный ужин, после которого свидетель переменил показания – и обвинения против Каролло рассыпались.

Не попрощавшись ни с родственниками, ни с друзьями, доктор Галати вместе с семьей бежал в Неаполь; он пожертвовал и собственностью, и клиентами, список которых неуклонно пополнялся на протяжении четверти века. После своего бегства он отправил в августе 1875 года в Рим памятную записку министру внутренних дел. В этой записке говорилось, что в Удиторе проживает от силы 800 душ, однако лишь в 1874 году в деревне произошло двадцать три убийства – причем среди жертв были две женщины и двое детей, а еще десять человек получили серьезные увечья. Ни одно из преступлений не было раскрыто. Война за контроль над цитрусовыми плантациями велась при полном попустительстве полиции.

Министр внутренних дел приказал шефу полиции Палермо выяснить ситуацию на месте. Расследование дела Галати поручили молодому дееспособному офицеру. Тот вскоре выяснил, что второй смотритель плантации, подобно своему погибшему предшественнику, был весьма примечательной личностью. Вероятно,

доктор Галати не знал этого (или не хотел признавать), но факты указывали на то, что оба нанятых им смотрителя состояли в близких отношениях с мафией. Походило на то, что доктор оказался втянутым в войну соперничающих мафиозных cosche.

Мафия Удиторе отреагировала на новое расследование привлечением влиятельных людей. Бенедетто Каролло обратился за разрешением устроить на Фондо Риелла охоту; его партнером по развлечению выступал судья из апелляционного суда Палермо. Антонино Джаммону поддержали многие землевладельцы и политики. Адвокаты подготовили документ, гласивший, что Джаммону и его сына преследуют только потому, что они «живут на собственные средства и не позволяют никому грабить себя». В конце концов властям пришлось отказаться от расследования, разве что полиция продолжала вести наблюдение за Удиторе.

По всей видимости, невзгоды доктора Галати были связаны не только и не столько с действиями шайки преступников; во многом они проистекали из того обстоятельства, что доктор не мог, как обнаружилось, доверять ни полиции, ни магистратуре, ни соседям-землевладельцам. История доктора Галати раскрывает нам еще одну особенность мафии. Как станет очевидно чуть позже, возникновение мафии тесно связано с возникновением ненадежного государства – государства Италия.

«Покровительство»-вымогательство, убийства, стремление контролировать территорию, соперничество и сотрудничество преступных шаяк, даже своеобразный намек на «кодекс чести» – все это можно найти на страницах воспоминаний доктора Галати, из которых следует, что многие практики мафии использовались еще в 1870-е годы на лимонных плантациях близ Палермо. Вдобавок в воспоминаниях доктора содержатся сведения о важнейшем элементе мафиозной действительности – ритуале посвящения в мафиози.

Ритуал посвящения

Хотя полиции и не удалось на основании меморандума доктора Галати о его трагических взаимоотношениях с cosca Антонино Джаммону привлечь к суду

мафиози из Удиторе, само расследование позволило отчасти пролить свет на то обстоятельство, что мафия представляет собой тайное братство, скрепленное кровавой клятвой. Как следует из полицейских материалов, люди Антонино Джаммоны при посвящении в члены братства проходили практически через тот же самый обряд, которого мафиози придерживаются и по сей день.

Отправив в 1875 году свой меморандум министру внутренних дел, доктор Гаспаре Галати заинтриговал министра и тот запросил отчет у шефа полиции Палермо. В своем отчете полицейский комиссар впервые описал ритуал посвящения в члены мафии. На источник информации в данном случае вполне можно было положиться: как явствовало из записки доктора Галати, полицейские поддерживали достаточно близкие, чтобы не сказать теплые, контакты с мафией едва ли не с самого ее возникновения.

Согласно отчету комиссара, в мафии 1870-х годов всякому кандидату на вступление в ряды «людей чести» предстояло пройти собеседование с боссами и их ближайшими помощниками. Кто-либо из присутствовавших затем делал надрез на руке кандидата и предлагал тому окропить своей кровью святой образ. Кандидат одновременно приносил клятву верности и сжигал образ, пепел которого развеивали, что символизировало уничтожение предателей.

Специальный правительственный посланник на пути в Сицилию телеграфировал шефу полиции Палермо от имени министра: «Примите наши поздравления! Какое обширное поле для дальнейшего расследования!» Вне сомнения, этот чиновник несказанно удивился бы, доведись ему узнать, что поле оставалось не менее обширным и в мае 1976 года, когда «состоялся» Джованни «Io scannachristiani» Бруска. (Сам Бруска в своих показаниях употребил итальянское слово «combinato», которое можно перевести и как «был посвящен», и как «причислен к группе».) Обряд, через который прошел Бруска, весьма показателен в сравнении с ритуалом 1875 года; сопоставление этих двух обрядов позволяет понять, почему мафия с самого начала приобрела статус тайного общества.

Человек, которому со временем предстояло взорвать судью Фальконе, был посвящен в члены мафии в девятнадцать лет. То обстоятельство, что его отец был местным мафиозным боссом, существенно облегчило задачу Бруски, тем паче что свое первое убийство он успел совершить еще до посвящения. Однажды его пригласили в загородный особняк, где должен был состояться очередной из регулярно проводимых мафиозных банкетов. На вечере

присутствовали многие «люди чести», в том числе «супербосс» Коротышка Тони Риина, которого молодой Бруска уже называл padrino (крестным отцом). Некоторые принялись расспрашивать юношу: «Как ты относишься к убийствам? Сможешь ли совершить преступление?» Это показалось ему немного странным: он уже убивал, а тут его спрашивают, как он относится к убийствам. Он и не подозревал, что обряд посвящения начался.

В какой-то момент все присутствовавшие укрылись в одной из комнат, а Бруска остался в одиночестве. Потом его позвали; он увидел, что его отец куда-то ушел, а прочие сидят за большим круглым столом, на котором разложены пистолет, кинжал и святой образ (посредине столешницы). Мафиози принялись забрасывать Бруску вопросами: «Если угодишь в тюрьму,охранишь ли ты верность, не предашь ли нас?» – «Хочешь ли ты стать членом ассоциации, известной как “Коза ностра“?»

Поначалу Бруска растерялся, но быстро обрел уверенность.

– Мне нравятся мои товарищи, – заявил он. – И мне нравится убивать.

Один из «людей чести» уколол кинжалом его палец; Бруска размазал кровь по святому образу, который затем взял в сложенные чашечкой ладони, а «крестный отец» Риина лично поджег бумагу и произнес следующие слова: «Если предашь “Коза ностру“, твоя плоть сгорит, как этот образ», после чего накрыл своей ладонью ладони Бруски, чтобы тот не выронил горящую бумагу.

Среди многочисленных правил организации, в члены которой Риина посвятил в тот день Джованни Бруску, имелось и знаменитое «положение о представлении». «Людам чести» возбраняется представляться как мафиози, даже своим коллегам. Согласно правилу, необходим третий, который, представляя друг другу двоих мафиози, скажет: «Это наш друг» или «Вы двое из той же компании, что и я». Именно последнюю фразу произнес Риина в день посвящения Бруски, когда его отец вернулся в комнату и сын был «представлен» Бруске-старшему как «человек чести».

«Положение о представлении», описанное Бруской, демонстрирует любопытные отличия от ритуала, изложенного в отчете шефа полиции Палермо в 1875 году. За сто лет до того как Бруска «состоялся», мафиози пользовались куда более сложной системой опознавания, что подтверждается, например, этим

шифрованным диалогом по поводу зубной боли.

«А.: Кровь Христова! У меня болит зуб! (Указывает на один из верхних резцов.)

Б.: У меня тоже.

А.: Когда твой разболелся?

Б.: В день благовещения.

А.: А где ты был?

Б.: В Пассо ди Ригано.

А.: И кто там был еще?

Б.: Добрые люди.

А.: Какие?

Б.: Первый – Антонино Джаммона. Второй – Альфонсо Спатола. И так далее.

А.: И что они с тобой сделали?

Б.: Они бросили жребий, и Альфонсо Спатола выиграл. Потом он взял образ, раскрасил его моей кровью, вложил мне в руку и поджег. А пепел развеял по воздуху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dikki_dzhon/cosa-nostra-istoriya-siciliyskoy-mafii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)